

Чжэн Шаньцы пристально посмотрел на Юй Ланьи, и на этот раз не стал отводить взгляда.

Закончив вечернее омовение, они один за другим улеглись под одеяло. Поначалу оба лежали неподвижно, глядя в потолок, но затем Ланьи предпринял робкую попытку придвинуться ближе. Шаньцы не отстранился. Тогда, ободрившись, юноша сантиметр за сантиметром сократил расстояние и, наконец, положил голову мужу на плечо.

Тонкие пряди волос коснулись шеи Чжэна, вызывая лёгкую щекотку, которая тут же отозвалась странным трепетом где-то в глубине сердца. Это был первый раз, когда они по собственной воле лежали так близко на одном ложе.

Впрочем... Шаньцы осторожно приподнял голову супруга и вернул её на подушку.

— Осторожнее, — негромко произнёс он. — Шею заклинит.

— ...

От такого вопиющего отсутствия романтики Ланьи едва не задохнулся от возмущения. Резко развернувшись, он обиженно уткнулся носом в стену.

Шаньцы, заметив, что муж всерьёз раздосадован, помедлил мгновение, а затем осторожно обнял его за талию, прижимаясь со спины. Горячее дыхание коснулось затылка Юй Ланьи.

Губы Чжэна, сухие и тёплые, прильнули к нежной коже на задней стороне шеи. В этом поцелуе не было грубости — лишь мягкое, почти невесомое ласкание, сменившееся лёгким, дразнящим покусыванием. По правде говоря, такая нежность будоражила чувства куда сильнее, чем если бы он просто впился в него зубами.

Тело Ланьи на мгновение одеревенело, но вскоре он обмяк, позволяя себе расслабиться в этих объятиях. Никогда прежде они не позволяли себе подобной близости. В брачную ночь ими двигал лишь страх перед чужими глазами, заставляя изображать страсть, которой не было. Теперь же их сближение было молчаливым желанием обоих, тайной, не нуждающейся в словах.

Жар ладони на талии не исчезал, и Ланьи чувствовал, как пылают его уши. Мысли разлетались в разные стороны: он думал об отце и папе, о старшем брате, о друге Люй Цзине... Но в конечном итоге все думы неизменно возвращались к Чжэн Шаньцы.

Когда они с Люй Цзином только достигли возраста, подходящего для брака, к Ланьи несколько раз засылали сватов. Памятуя о горьком опыте своего папы, Фулана Юя, Ланьи предъявлял к будущему избраннику суровые требования. Он хотел, чтобы муж принадлежал только ему

одному. Если в семейный очаг врывается кто-то чужой, это уже не дом, а проходной двор. И ведь одной наложницей дело никогда не ограничивается — за ней придут десятки других.

Среди претендентов на его руку было немало отпрысков знатных родов, но стоило ему озвучить своё условие, как те принимались смотреть на него с недоумением или раздражением. «Как тебе такое вообще в голову пришло? — спрашивали они. — Нам нужно продолжать род, укреплять связи. Провести всю жизнь, глядя лишь на одного человека — это попросту невозможно».

Скверная слава Ланьи в столице отчасти подпитывалась именно этими слухами о его «несносном нраве».

Но сейчас он был вполне доволен Чжэн Шаньцы. К тому же тот поклялся его отцу не брать наложниц до тридцати лет. Прожив с ним бок о бок всё это время, юноша понял: благородство Шаньцы — не маска. Если этот человек дал слово, он его сдержит. От этой мысли на душе становилось светло и радостно.

«Если Шаньцы не наделает ошибок за время службы, — рассуждал он, — семья подсобит, и мы сможем вернуться в столицу. Денег у нас вдоволь, дом есть. Найдём ему какую-нибудь непыльную должность, и заживём в своё удовольствие»

Погружённый в эти сладкие грёзы, Ланьи сам не заметил, как уснул.

***

На следующее утро, когда Чжэн Шаньцы проснулся, Ланьи всё ещё крепко спал в его объятиях. Лицо его покраснелось, дыхание было ровным и спокойным. Не желая тревожить сон супруга, Шаньцы бесшумно выбрался из постели и отправился в управу.

В Великой Династии Янь чиновники отдыхали лишь каждый пятый день. Прибыв на службу, Шаньцы велел Ван Фу позвать помощника начальника уезда Ци.

Тот явился без промедления и первым делом отвесил поклон:

— Чиновник Чжэн, зачем вызывали подчинённого?

— Настала пора жатвы, — начал Шаньцы. — Этим делом обычно заведуете вы, господин Ци, поэтому я хотел бы кое-что прояснить. Указом двора установлены единые меры веса и объёма для сбора зерна. Я осмотрел наши образцы — они соответствуют стандарту. Однако до меня дошли слухи, что при взвешивании во время осеннего сбора случаются великие злоупотребления. То у стражника рука дрогнет, то он намеренно придирается к беднякам, вымогая лишнее.

Собеседник лишь внутренне усмехнулся. Подобные дела были в управе в порядке вещей. Сбор зерна в деревнях считался «тёплым местечком», стражники за него в драку лезли — всем понятно, что там можно неплохо пожить. В кристально чистой воде рыба не водится; если не давать подчинённым хоть немного «сладкого», кто за тобой пойдёт в трудный час?

— Господин, я строго предупрежу стражников, чтобы они знали меру, — почтительно произнёс помощник начальника уезда.

Шаньцы лишь холодно усмехнулся:

— Думаете, одного предупреждения хватит, чтобы они стали честными? У меня есть план. Перед отправкой в деревни каждый стражник будет обыскан, и по возвращении — тоже. Если я обнаружу у них хоть крупицу того, что они отобрали у народа, они отведают палок и будут с позором изгнаны со службы. А когда они снимут это казённое платье, посмотрим, кто из крестьян их не побоится.

Чиновник Ци невольно сглотнул. Судя по тону, Чжэн Шаньцы не шутил. Этот новый начальник уезда оказался на редкость жёстким — чуть что, сразу палки да изгнание.

Похоже, над Синьфэном и впрямь сменилось небо. Прежний начальник уезда в дела не вникал: исправно получал жалованье, принимал подношения от местных богатеев и в ус не дул. Чжэн Шаньцы же хотел знать всё и держать каждую мелочь под своим контролем.

— Раз господин так решил, я передам ваши слова без искажений, — ответил Ци.

Шаньцы жестом отпустил его.

Он прекрасно понимал, что стражники Синьфэна привыкли к лени и лёгкой наживе. Они наверняка ждали жатвы как праздника, и его запрет вызовет в их рядах бурю негодования. Его проклянут за глаза.

Но так было правильно. То, что зло стало привычным, не делало его законом. Шаньцы знал, что не сможет искоренить пороки разом, но и закрывать на них глаза не собирался.

Когда помощник Ци донёс слова начальника до подчинённых, стражники и впрямь взбунтовались.

— Этот Чжэн только приехал, а уже лишает нас куска хлеба!

— Лишить человека заработка — всё равно что убить его родителей! Слишком лютует этот чиновник.

— Придётся быть осторожнее, — шептались другие. — Главное — не нагнеть.

Конечно, ругать начальника уезда в открытую никто не смел — все понимали, чем это чревато. Смельчаки лишь копили злобу в сердце, а те, кто потрусливее, решили вовсе не рисковать. Самые же ушлые планировали действовать тоньше, вымогая «плату за проезд» втайне от начальства.

После этого Шаньцы вызвал регистратора Цзяна, чтобы узнать, какие культуры из известных в империи могут прижиться в песчаной почве. Тот назвал несколько видов, и Чжэн тщательно всё законспектировал.

Любое дело трудно начать, но если двигаться шаг за шагом, успех неизбежен.

Стражники, видя решимость начальника, который в первый же день не побоялся пойти против главы влиятельной семьи Ся, не решились на открытый протест. Теперь, покорно проходя досмотр, они отправлялись в деревни исполнять свой долг.

Уладив государственные дела, Шаньцы перешёл к личным. Он позвал Ван Фу:

— Пройдись по городу. Найди подходящее помещение под трактир. Желательно в людном месте.

Слуга кивнул и тут же умчался выполнять поручение.

Чжэн Шаньцы уже наметил список культур, которые он предложит выращивать местным жителям. Вместо того чтобы сажать что придётся, лучше было сосредоточиться на том, что принесёт прибыль: острый перец, арахис, боярышник, ягоды годжи, солодка и соя. Кроме того, он планировал высадить тополя, ивы, зизифус и грушевые деревья — они не только защитят почву от песка, но и дадут плоды на продажу. Из перца можно делать острый соус, из арахиса и сои — жать масло, а боярышник, годжи и солодку скупать для аптекарей.

Шаньцы понимал, что нельзя просто заставить народ сажать то, что он велит. Нужно было заинтересовать их. Он решил, что управа сама возьмёт на себя закупку перца и арахиса...

Сейчас фунт перца на рынке стоил два вэня. Это была привозная культура, и крестьяне поначалу боялись её выращивать, пока не распробовали вкус.

Шаньцы планировал продавать готовый соус по двенадцать вэней за баночку, а закупку сырья у населения поднять до трёх вэней за фунт. Сначала он вложит в это дело деньги, заработанные трактиром, а затем откроет лавку соусов и наймёт рабочих.

За остальные культуры он также планировал платить на один вэнь больше рыночной цены, и эта цена должна была оставаться стабильной. Сейчас было не время для посадок, нужно ждать

весны, а до тех пор — сколотить начальный капитал.

Клерки из управы принесли Шаньцы стопку дел. Самые запутанные и тяжёлые случаи легли ему на стол; мелочёвкой вроде соседских ссор занимались помощник Ци и регистратор Цзян, да и те перекладывали это на плечи младших чинов.

Одной из главных обязанностей начальника уезда был суд, и Шаньцы невольно потёр виски. В управе было полно народу, но ему всё равно казалось, что он тащит на себе ворот из нескольких должностей разом.

«Просто корпоративный раб седьмого ранга, ни дать ни взять»

Горестно усмехнувшись, он вновь погрузился в чтение документов.

***

Юй Лань проснулся поздно, когда солнце уже стояло высоко. Шаньцы, как и следовало ожидать, дома не оказалось. Вошёл Цзинь Юнь, чтобы помочь господину одеться. Лань вспомнил, что вечером они приглашены на свадьбу в семью Чэн. Его удивило, что здесь торжество устраивают на закате — обычаи Синьфэна заметно отличались от столичных. Нужно было выбрать подарок.

— Что у нас в кладовой найдётся такого, чтобы и в грязь лицом не ударить, и лишней роскошью не смутить?

Слуга задумался:

— Помните, господин, на ваше шестнадцатилетие один чиновник прислал крупную белую жемчужину? Она безупречно круглая и сияет очень благородно. Для такого случая — в самый раз.

Лань жемчуг не жаловал — ему больше по душе было золото. Его старший брат, Юй Чансин, часто отдавал младшему императорские награды, а те, что Лань не нравились, просто пылились в сундуках.

— Ладно, упакуй её.

Сегодня юноша непривычно долго крутился перед зеркалом. Он то и дело поправлял одежду и вглядывался в своё отражение.

— Как я сегодня выгляжу? — наконец спросил он.

Цзинь Юнь удивился такой суете, но ответил искренне:

— Господин сегодня просто сияет. Выглядите величественно и благородно.

— Кхм, вот и славно. Раз иду с Шаньцы, нужно соответствовать случаю.

Ланьи поднялся и принялся перебирать наряды в шкафу. Слуга поначалу одобрял это рвение, но когда господин сменил уже четвёртое платье, он лишь глазами захолопал. Даже если эта свадьба была важна, зачем так усердствовать? Ланьи на дворцовые приёмы в столице собирался быстрее.

В итоге выбор пал на тёмно-зелёное одеяние, поверх которого он накинул чёрный халат и закрепил волосы нефритовым венцом. Последствия перемены климата почти сошли на нет, и юноша, поморщившись, выпил последнюю чашку горького отвара, заев его сладким цукатом.

— Всё, чувствую себя превосходно. Больше никакой этой гадости пить не буду.

— Но, господин, на коже ещё остались пятнышки, — возразил Цзинь Юнь.

Услышав это, Ланьи присмирел.

— Ладно, неси лекарство.

Ему стало не по себе при мысли о том, что вчера он весь вечер ворковал с Шаньцы, а на лице у него красовалась сыпь. От стыда захотелось зарыться с головой в одеяло.

***

Столица

***

Юй Шиянь встретился со вторым молодым господином Даем из поместья графа Чжуньи. Тот оказался человеком заносчивым и ветреным; в каждом его слове сквозила наглая двусмысленность. Шиянь похолодел:

— Если у господина Дая нет ко мне дел, я откланяюсь.

Собеседника лишь раззадорила эта ледяная неприступность — он давно положил глаз на красоту Шияня.

— Ты — всего лишь сын наложницы из поместья маркиза, а я — законный второй сын графа, к тому же при должности. Я знаю твоё положение. Стать моим законным супругом — это великая честь для тебя, так что не вздумай перечить. У меня есть наложницы и служанки в доме, да и на стороне, возможно, придётся завести интрижку, но я обещаю тебе почёт и уважение как главному мужу. Разве этого мало?

С каждым словом молодой господин Дай проникался собственной милостью. Он искренне считал, что делает Шияню одолжение. В конце концов, в доме должна быть твёрдая рука главного супруга, чтобы следить за порядком. А если Шиянь родит сына, тот станет законным наследником. Дай знал толк в закулисных интригах и не собирался позволять детям от наложниц возвыситься над законными.

Для него брак был не союзом сердец, а залогом тишины в доме. Он честно обрисовал Юй Шияню свои желания: если тот согласен — проживут вместе до гробовой доски, если нет — в столице полно других красавцев-гэ'эров.

— Если через сто лет я умру раньше тебя, — продолжал Дай, — твой сын унаследует всё моё добро. Ты будешь хозяйничать в доме, и никто тебе слова не скажет. Делай что хочешь.

Шиянь от таких речей едва не рассмеялся от ярости. Выходит, этот наглец предлагает ему дожидаться его смерти, чтобы завести любовника? Ему претила сама мысль о том, что брак — это лишь сделка ради деторождения.

— Благодарю за прямоту, господин Дай, но нам не по пути.

Шиянь ушёл, не оглядываясь.

Уже на следующий день Дай сосватал гэ'эра из другой семьи. Шиянь был для него лишь одним из вариантов, как и он для Дая.

Позже, выпивая с друзьями, молодой господин со смехом рассказывал:

— Я-то думал, это только у Юй Ланьи такой пунктик в голове, а оказывается, и бастард Шиянь туда же — кобенится. Он что, совсем берегов не видит? Возомнил себя ровней Ланьи?

Юй Ланьи обожали и баловали, за его спиной стояли поместья маркиза Чаняна и гуна Инго, а его родной брат был любимцем императора. Юй Чансина в столице и по титулу-то редко называли — всё больше «чиновник Юй», потому что его личный вес значил куда больше, чем наследство отца.

Шиянь ещё не знал об этих пересудах. Но о его поисках мужа прознал Е Юньчу. Сердце Наследника Е исполнилось горечи. Он вновь бросился в ноги к матери, принцессе-консORTу Чжэньнань, умоляя её отправить сватов в дом маркиза.

Принцесса ответила ледяным тоном:

— Я могу заслать сватов. Но этот гэ'эр войдёт в наш дом только через боковую калитку.

Е Юньчу, не успев обрадоваться, застыл как громом поражённый:

— Матушка, вы хотите, чтобы он стал наложником?!

Видя, как её блестящий сын чахнет на глазах, принцесса ещё больше возненавидела Шияня:

— С его положением стать боковым мужем Наследника князя — это и так великая милость. Неужто он возомнил, что может стать твоим главным супругом? Пусть и не мечтает. Если я и пойду свататься, то только за «цэ-цзюня».

Наследник Е похолодел. Он знал, что Шиянь никогда не согласится на роль наложника. Но в его голове созрел план: если он уговорит Юй Шияня сейчас, то позже, когда тот станет его боковым мужем, он просто не будет брать никого другого. И тогда какая разница, какой у него титул?

К тому же, кто из знатных мужей довольствуется одной женой? Если у него будет только Шиянь, тот должен понять его и оценить такую жертву.

Узнав, что семья Ши согласилась на помолвку Ши Сюаня с Юй Шиянем, Е Юньчу не выдержал и бросился к сопернику.

В поместье Ши его проводили в кабинет, где Ши Сюань в полном одиночестве переписывал сутры. Наследник Е ворвался туда, кипит от ярости, но, увидев отрешённый вид Сюаня, растерял весь свой пыл.

Дождавшись, пока Сюань закончит, он холодно поприветствовал его. Они не были друзьями, и Ши Сюань понятия не имел, зачем Наследник Е пожаловал к нему. Он вежливо пригласил гостя присесть.

Е Юньчу не стал ходить вокруг да около:

— Слышал, третий молодой господин помолвлен с Юй Шиянем?

Слыша, как гость по-свойски называет Шияня по имени, Сюань едва заметно нахмурился:

— Так решила моя матушка. Третий молодой господин Юй не вызывает у меня неприязни, поэтому я не стал возражать.

Ему было всё равно, на ком жениться, лишь бы супруг не мешал его молитвам. Ши Сюань был человеком крайне бесстрастным.

Е Юньчу, не заметив в его словах и тени любви к Шияню, немного успокоился, и голос его зазвучал твёрже:

— Раз он вам безразличен, то не стоит губить его жизнь. Откажитесь от помолвки.

Сюань поднял на него взгляд:

— Хоть я и не питаю к нему пылких чувств, ваше вмешательство, Наследник Е, кажется мне верхом дерзости.

С этими словами он жестом указал на дверь. Наследник Е хотел было что-то добавить, но лишь извиняюще сложил руки в поклоне и ушёл, затаив в глазах мольбу.

На следующее же утро семья Ши расторгла помолвку. Сюань не хотел лишних хлопот. Раз Е Юньчу пришёл к нему, значит, между ним и Шиянем что-то было. Ши Сюань вовсе не горел желанием брать в жёны того, в чьё сердце уже постучался другой, да ещё и такой влиятельный человек. Он не считал себя настолько великодушным, чтобы терпеть подобное.

Когда его спросили о причине разрыва, он ответил кратко: «Не сошлись характерами».

Обе помолвки, которые с таким трудом устроил Фулан Юй для Шияня, расстроились одна за другой. После этого Фулан на время оставил свои попытки. Супруга графа Чжуньи даже приходила к нему жаловаться на «заносчивость» Шияня, который, дескать, посчитал её сына недостойным.

Фулан Юй на словах сочувствовал гостье, а про себя лишь презрительно усмехался. Неужто Шиянь и впрямь возомнил, что может прыгнуть выше головы? Неблагодарный... Не понимает, что Фулан тратит свои связи и репутацию, чтобы пристроить его. Своим упрямством он не только позорит честное имя графа, но и Фулана Юя подставляет.

Узнав о случившемся, маркиз Чанян пришёл в ярость и лично явился к Шияню, чтобы устроить ему разнос.

Юй Шиянь слушал его с каменным лицом, сдерживая обиду.

— Если всё так плохо, прошу господина маркиза позволить мне самому распоряжаться своим браком.

Маркиз застыл от неожиданности, а затем взорвался:

— Хорошо! Прекрасно! Отныне я и пальцем не пошевелю ради твоего замужества. Делай что хочешь!

Он ушёл, кипя от злости.

— Молодой господин, что же теперь будет? Зачем вы пошли против воли отца? — причитал слуга.

Шиянь покачал головой, лицо его было мертвенно-бледным:

— Я не могу позволить им вертеть мной как куклой. Что до семьи Ши... они просто оказались бесчестными людьми. Сначала договорились, а потом ударили в спину.

Той ночью у Шияня поднялся сильный жар, и в доме маркиза вновь началась суета.

***

Во второй половине дня Ван Фу принёс Чжэн Шаньцы добрую весть: он нашёл помещение. Аренда за год составляла восемь лянов серебра — для торгового ряда цена была оправданной, хоть и выше обычной. Но по сравнению со столичными ценами это были сушие копейки.

Для сравнения: лавки, которые Фулан Юй отдал Ланьи, приносили тому по сто лянов в год каждая, а таких владений у него было немало.

Закончив службу, Шаньцы отправился осматривать помещение. Место было на редкость удачным: самый центр Синьфэна, кругом магазины, а неподалёку — академия. Чиновник остался доволен — студенты всегда любят вкусно поесть, так что постоянный поток клиентов был обеспечен.

— Берём, — распорядился он.

Ван Фу передал деньги хозяину и оформил бумаги. Вернувшись домой, Шаньцы застал Ланьи — тот ещё не вернулся с прогулки. Тогда он позвал повара и вручил ему свои записи.

Повара звали Цзинь Чжан. Приняв рецепты из рук господина, он пробежал их глазами, и лицо его выразило крайнее изумление. Описания были невероятно подробными: вплоть до того, сколько ложек соли класть и сколько воды лить. С такой инструкцией даже новичок не испортил бы блюдо.

Правда, некоторые способы приготовления казались мудрёными. Повар спросил:

— Господин, зачем вы даёте мне всё это?

— Я хочу открыть трактир и хочу, чтобы ты стал там главным поваром. Все блюда сразу вводить не будем — начнём с малого, а если дело пойдёт, расширим меню.

Цзинь Чжан замялся:

— Но я принадлежу молодому господину Юю. Нужно его согласие.

— Я понимаю. Как только Ланьи вернётся, я поговорю с ним.

У повара было два листа с рецептами, и на одном из них описывались закуски. Цзинь Чжан с любопытством спросил:

— Господин, тут написано «жареные колбаски». Можно я завтра приготовлю их для вас и господина?

Шаньцы улыбнулся:

— Если у тебя будет время, попробуй. Такие колбаски можно выставить на продажу у входа. Одна штука — три вэня.

Цзинь Чжан загорелся этой идеей — он никогда раньше не видел ничего подобного. Дух исследователя проснулся в нём с новой силой.

— Откуда у господина такие рецепты? О некоторых я и слыхом не слыхивал. Другие вроде знакомы, но готовятся совсем иначе, — допытывался он.

Шаньцы лишь туманно ответил:

— Вычитал в одной старинной книге. К сожалению, она давно затерялась, о чём я глубоко сожалею.

Повар заметно расстроился, но расспрашивать больше не стал.

Когда Ланьи вернулся, Шаньцы сразу заговорил с ним о трактире. Тот без колебаний согласился отпустить Цзинь Чжана.

— А кто же будет готовить для нас? — спохватился Ланьи.

— Я привёл с собой несколько учеников, — успокоил его повар. — Они всё умеют и накормят вас в любое время.

Кулинария в Синьфэне была в почёте, и у искусного Цзинь Чжана всегда хватало подмастерьев. Они мечтали набраться опыта, чтобы потом попасть в богатый дом или устроиться в хороший ресторан. Ремесло всегда давало кусок хлеба.

Юй Ланьи сегодня вернулся с целой горой сладостей. Кроме вчерашних лепешек от Шаньцы, он купил османтусовое пирожное, десерт «осёл кувыркается» и лепёшки с порией. В руках он сжимал сахарную фигурку.

Османтусовые пирожные из рисовой муки, сахара и мёда были такими нежными и ароматными, что их запах чувствовался за версту. Ими торговал один симпатичный гэ'эр вместе со своим мужем, и Ланьи, купив на пробу пару кусочков, пришёл в такой восторг, что готов был стоять в длинной очереди за добавкой.

Глядя на то, как ловко тот гэ'эр управляет с тестом, Ланьи и сам загорелся желанием что-нибудь приготовить. В столице его папа готовить не умел — он лишь заходил на кухню, чтобы зачерпнуть ложку готового супа и подать его маркизу как «творение собственных рук». Юноша не замахивался на сложные блюда — он хотел научиться печь сладости.

— Ланьи, подкрепись пока пирожными, — сказал Шаньцы. — В поместье Чэн придётся много разговаривать. Если станет невмоготу — переводи стрелки на меня.

— Не больно-то я и хрупкий, — проворчал Ланьи.

Когда пришло время, Ланьи велел Цзинь Юню забрать подарок. Увидев, что Шаньцы стоит в замешательстве, он победно улыбнулся:

— Идти на свадьбу без подарка — позор. Не беспокойся об этом, в таких делах я смыслю больше твоего.

Шаньцы рассмеялся. Уже в карете он протянул руку и стёр крошку от пирожного с губ супруга:

— Как можно так испачкаться, поедая сладости?

Ланьи промолчал, чувствуя, как лицо заливают краской. Раньше Шаньцы никогда не позволял себе такой нежности. Сердце юноши бешено заколотилось. Их брак был заключён по воле родителей, и обычно чувства между супругами вспыхивали лишь после долгого общения.

Пока карета катилась по улицам, Ланьи любовался ветряными колокольчиками, которые он велел повесить по углам повозки — на ветру они издавали чистый, мелодичный звон.

В карете они были одни. Шаньцы посмотрел на Ланьи и, поддавшись порыву, убрал выбившуюся прядь ему за ухо, а затем легонько коснулся пылающей мочки.

— Ланьи, — прошептал он, — ты сейчас похож на спелое наливное яблоко.

«Шаньцы не стал подбирать благопристойных выражений, и его слова заставили воображение супруга разыграться»

— Господин, приехали. Мы у ворот дома Чэн.

— Понял.

Шаньцы первым вышел из кареты и помог Ланьи спуститься, а затем, скрыв это движение за широкими рукавами, крепко сжал его ладонь. Пальцы Ланьи словно обожгло. В этот момент к ним уже спешили гости, чтобы поприветствовать чиновника Чжэна.

Шаньцы отвечал на приветствия с безупречно серьёзным видом, но руки Ланьи так и не выпустил. Многие, завидев, как нежно начальник уезда держит своего супруга, сразу оставили свои тайные помыслы о сватовстве. Ланьи же, улучив момент, высвободил руку и сердито взглянул на мужа.

— Вокруг столько народу! Ты что, с ума сошёл? — прошептал он. — Смотри у меня, сочтёмся позже.

Шаньцы лишь улыбнулся. Ему хотелось, чтобы все знали: у него уже есть супруг, и их чувства глубоки, так что места для наложниц в его доме нет. Серьёзность Ланьи показалась ему забавной и в то же время трогательной.

— Хорошо.

Семья Чэн жила в одном доме уже три поколения. Старейшина Чэн Жу когда-то был губернатором, а теперь жил на покое как простой гражданин. Увидев Шаньцы, он хотел было отвесить поклон, но тот вовремя подхватил старика под локоть.

— Почтенный Чэн, вы меня смущаете! Ваш авторитет и мудрость безграничны, как я могу принимать от вас такие почести? Прошу вас, присядьте. Это я должен засвидетельствовать вам своё почтение.

Чэн Жу всё же настоял на церемонии. Улыбнувшись доброй улыбкой, он произнёс:

— Я давно отошёл от дел, как я могу кичиться былыми заслугами перед лицом господина начальника уезда? Теперь я лишь простой обыватель. То, что господин оказывает мне такое

уважение — лишь свидетельство вашего прекрасного воспитания.

<http://bllate.org/book/15809/1433865>